

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>

UDC 94(47+57)“186/191”
LBC 63.3(2)522-53

Submitted: 09.04.2021
Accepted: 20.03.2022

TWO TENDENCIES OF UNDERSTANDING THE “THREE WORLDS” IN THE EARLY EURASIAN DISCOURSE: V.I. LAMANSKY AND I. GASPRINSKY (SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY)

Sergey V. Seliverstov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The study is carried out in the genre of intellectual history and focuses on the contrasting views of the leading representatives of Slavic and Turkic social thought in Russia. Purpose: starting from Vladimir Lamansky’s ideas, to reconstruct and interpret Ismail Gasprinsky’s concept of “three worlds”. This is the first time such a task has been posed. *Methods and materials.* Methods are applied: intellectual reconstruction and historical-comparative. Main sources: “Three worlds of the Asian-European continent” by Lamansky and works of the Gasprinsky period of the 1880s – 1900s. (“Russian-Eastern agreement”, “China and Russia”, “Great Eastern question”, etc.). *Analysis.* The peculiarities of Lamansky’s interpretation of the “three worlds” (“European”, “Asian”, “Middle”), where the “Greco-Slavic world” constituted the basis of the “middle world”, were revealed. Reconstruction and comparison showed that Gasprinsky had his own understanding of the “three worlds”: “Western”, “Central”, “Eastern”. He proceeded from a combination of interests of the Turks and the Slavs and interpreted the “central” world as “Russian-Muslim”. Both thinkers recognized the consolidating role of Russia. However, Gasprinsky saw the prospects for Islam and was convinced of the need for cooperation with the Muslim world. *Results.* Two tendencies in the interpretation of the “three worlds” complemented each other, argued the Slavic-Turkic space of the Old World. Gasprinsky’s innovation was the concept of the “Russian-Muslim world”. He took into account the Muslim factor, so his version is more realistic. As a result, the concepts of both thinkers (taking into account the priorities) had the character of a pro-Eurasian counterpoint and became central in early Eurasian discourse.

Key words: intellectual history, middle world, Slavs, Turks, Russian-Muslim world, early Eurasian discourse.

Citation. Seliverstov S.V. Two Tendencies of Understanding the “Three Worlds” in the Early Eurasian Discourse: V.I. Lamansky and I. Gasprinsky (Second Half of the 19th – Early 20th Century). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 160-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОНИМАНИЯ «ТРЕХ МИРОВ» В РАННЕЕВРАЗИЙСКОМ ДИСКУРСЕ: В.И. ЛАМАНСКИЙ И И. ГАСПРИНСКИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Сергей Васильевич Селиверстов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Исследование относится к области интеллектуальной истории и сфокусировано на контрастных взглядах ведущих представителей славянской и тюркской общественной мысли России. Цель: оттолкнувшись от идей В.И. Ламанского, реконструировать и интерпретировать концепт И. Гаспринского о «трех мирах». Подобная задача ставится впервые. Применяются методы интеллектуальной реконструкции и историко-сравнительный. Основные источники: «Три мира Азийско-Европейского материка» В.И. Ламанского и произведения И. Гаспринского 1880–1900-х годов. Выявлены особенности интерпретации Ламанским «трех миров» («европейский», «азиатский», «средний»), где основу «среднего мира» составлял «греко-славянский мир». Реконструкция и сопоставление показали, что Гаспринский имел собственное понимание «трех миров»: «западного», «центрального», «восточного». Он исходил из сочетания интересов тюрков и славян и интерпретировал «центральный» мир как «русско-мусульманский». Оба мыслителя признавали консолидирующую роль России. Однако Гаспринский видел глобальные перспективы ислама и был убежден в необходимости сотрудничества России с мусульманским миром. Две тенденции в интерпретации «трех миров» дополняли друг друга, аргументировали славяно-тюркское пространство Старого Света. Новацией Гаспринского стал концепт «русско-мусульманского мира». Он учел мусульманский фактор, поэтому его версия более реалистичная. Концепции обоих мыслителей (с учетом приоритетов) имели характер проевразийского контрапункта и стали центральными в раннеевразийском дискурсе.

Ключевые слова: интеллектуальная история, средний мир, славяне, тюрки, русско-мусульманский мир, раннеевразийский дискурс.

Цитирование. Селиверстов С. В. Две тенденции понимания «трех миров» в раннеевразийском дискурсе: В.И. Ламанский и И. Гаспринский (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 160–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.12>

Введение. Интеллектуальное пространство России второй половины XIX – начала XX в. содержит различные дискурсы и тенденции. Познание данного многообразия ведется, как правило, дифференцированно. Такой подход практикуется, например, при анализе славянского и тюркского сегментов общественной мысли – как в тематическом, так и персональном разрезе. Однако интеллектуальное пространство России, культурно интегрированное общей проблематикой и языком русской публицистики, являлось консолидирующим историко-культурным пространством, в контексте которого происходили множественные взаимовлияния. Поэтому, учитывая открытость отечественного интеллектуального пространства, есть основания выявлять не только отличия историко-культурных тенденций, но параллели и пересечения.

Одной из тенденций интеллектуальной истории второй половины XIX – начала XX в. стал многообразный дискурс, который привел к оформлению евразийского направления общественной мысли. К данному дискурсу, проявившемуся в эпоху, предшествующую классическому евразийству (эпоху, которую В.Л. Цымбурский, тем не менее, обозначил как эпоху «евразийскую» [26, с. 223, 279]), применимо, на наш взгляд, определение «ранний», то есть раннеевразийский. Еще в 1995 г. Н.И. Цимбаев, поставивший вопрос об идейных истоках евразийства, подчеркивал, что «прямым и непосредственным предшественником» данного направления был Ламанский, чья идея о «трех мирах» – «чистое евразийство» [14, с. 16–17]. Возвращение интереса научного сообщества к главному труду Ламан-

ского произошло в известной работе М.А. Робинсона (1996), раскрывшего трактат в контексте славянофильской историософии [22]. В последующем идея «трех миров» затрагивалась в различных ракурсах (см., например: [17; 20; 21; 23]). Если обобщить, то в литературе о Ламанском его взгляды рассматриваются, как правило, в рамках русско-славянской мысли. Однако в последней четверти XIX – начале XX в. активно творил мыслитель, по-своему глубоко интерпретировавший «трехмирную» проблематику – это И. Гаспринский (1851–1914), наиболее значимая персона в тюркском мире России. Его труды, как и труды В.И. Ламанского, возвращаются в научный оборот, что подтверждает начатое в 2016 г. издание собрания сочинений тюркского деятеля. Появляются новые публикации [15], но и в тех, которые посвящены международным аспектам взглядов И. Гаспринского [25], тематика «трех миров» не раскрывается. Исходя из сказанного, цель статьи – оттолкнувшись от взглядов Ламанского, реконструировать и интерпретировать представления Гаспринского о «трех мирах».

Методы и материалы. В отличие от Ламанского, консолидировавшего свои идеи в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), взгляды Гаспринского на «три мира» не имеют единого авторского обобщения и разбросаны по различным публикациям, а конкретная задача по их выявлению и анализу не была сформулирована исследователями. Поэтому, инструмент данного исследования – метод интеллектуальной реконструкции, позволяющий раскрыть содержание авторского концепта «трех миров» за определенный период. В аналитическом плане используется историко-сравнительный метод, который дает возможность сопоставить и интерпретировать концепты Гаспринского и Ламанского (как генерированные в тюркском и славянском сегментах общественной мысли) и, тем самым, выявить особенности раннеевразийского дискурса.

В качестве источников привлекаются указанный труд Ламанского и публикации Гаспринского в газете «Переводчик-Терджиман»: «О русских мусульманах» (1885), «Член английского парламента Дж. Керзон <...>» (1889), «Китай и Россия» (1890), «Важное вре-

мя» (1905), «Велико-Восточный вопрос» (1908) и др., а также трактаты «Русское мусульманство» (1881) и «Русско-восточное соглашение» (1896), изданные в крымском Бахчисарае, но глобальные по обзору.

Анализ. Ламанский, как ученый, был склонен к историческому синтезу, поэтому локальные вопросы являлись для него «средством и путем к дальнейшим историко-культурным изысканиям и выводам» [13, с. 18–19]. В полной мере это относится к работе «Три мира Азийско-Европейского материка», ставшей, как отмечали его ученики, «заключительным аккордом» [13, с. 12–13], плодом «почти сорокалетней ученой деятельности периодов его молодости и зрелости» [24, с. 12]. Следовательно, интеллектуальный путь В.И. Ламанского к концепции «трех миров» охватывает период с конца 1850-х годов.

В «Трех мирах» (согласимся с Г.М. Князевым) важны не частности, а именно «руководящая идея», которая «открывает новые горизонты для мысли» [16, с. XX]. Ламанский видит Старый Свет пространством «крайнего разнообразия, этнографического и культурного», но группирует данное пространство и приходит к пониманию, что на Азийско-Европейском материке (подчеркнем новационность наименования) имеются «три крупные части, три великие отдела или мира», а именно – «собственная Европа», «собственная Азия» и «средний мир» [18, с. 3]. Исходя изначально, как и европейски образованные современники, из дуалистичной парадигмы «Запад – Восток», он в ходе разработки собственной концепции конкретизирует, детализирует историко-культурную структуру Старого Света, выделяя третий макрорегион – «средний мир». Представления Ламанского о «трех мирах» известны (хотя не в полной мере изучены, особенно в плане генезиса) как из его сводного труда, так и благодаря вышеотмеченным исследованиям, поэтому акцентируем внимание на интерпретации Ламанским «среднего» и «азийского» миров.

По отношению к собственно Европе и собственно Азии «средний мир», – замечает Ламанский, – это «не настоящая Европа и не настоящая Азия» [18, с. 3]. И если двигаться из Европы на восток, либо из собственно Азии на запад и север, то «по мере удаления <...>

от центров чисто-европейской или чисто-азиатской жизни», мы соприкасаемся с теми странами, которые, «включая в себя много элементов чисто-европейских и чисто-азиатских, имеют, однако, в общем, свой особый тип» [18, с. 3]. То есть срединный историко-культурный тип, с одной стороны, неизбежно содержит европейские и азиатские элементы, а с другой – является, в сумме, иным явлением, не сводимым к европейскому или азиатскому миру. Ядро среднего мира составляют славянские народы, однако в его пределах имеется «множество и разнообразие» этнических элементов [18, с. 75]. Особо Ламанский отмечает тюрко-монгольские и финно-угорские народы [18, с. 46, 55] и в целом видит, что в среднем мире присутствуют «многозначительные представители господствующих в Азии <...> религий, языков, нравов и обычаев» [18, с. 4]. Следовательно, хотя он начал осмысление срединного пространства как «греко-славянского мира», но в итоге реалистично скорректировал его обозначение и понимание.

Учитывая, что далее анализируются взгляды Гаспринского, отметим представления Ламанского на «азиатский» мир. Еще в 1871 г. он отмечал, что наряду с греко-православным Востоком в истории присутствует Восток мусульманский, конфуцианский, буддийский, шаманистский, который представляет собой «особые, самостоятельные миры» [19, с. 32–33]. В его восприятии восточный мир «древних и средневековых цивилизаций» был более многообразен, нежели Европа [17, с. 3, 46–47]. И в этом разнообразии Востока одно из самых заметных мест занимало мировое мусульманство. С историко-культурной точки зрения Ламанский был хорошо осведомлен о мусульманских народах Старого Света, но, тем не менее, малоазийскую Турцию, в отличие от Балкан, относил не к среднему миру, а к собственно азиатскому [18, с. 28]. Наблюдая за успехами ислама в Азии, Ламанский, надо признать, настороженно относился к внешнему росту мусульманства. Хотя (как заметил Семенов-Тянь-Шанский), в отличие от европейцев, и не находил непосредственной «мусульманской опасности» [24, с. 13]. Признавая роль Азии в прошлом, Ламанский недооценил возможнос-

ти ее народов. В середине и второй половине XIX в. (когда формировались его взгляды) азиатский Восток не давал примеров конкурентоспособного развития, за исключением островной Японии, поэтому представления об «истощении и упадке» азиатских народов были скорее правилом, нежели исключением. Не отрицая элементов европеизации Азии, Ламанский полагал, что понадобятся десятки лет для достижения результатов. Он скептически смотрел на будущность собственно азиатского мира, полагая, что это мир «необновимого прошедшего» [18, с. 14–16].

Гаспринский, также как и Ламанский, рассматривал панораму Старого Света трехкомпонентно, но раскрывал по-своему. Если для Ламанского точкой отсчета был славянский мир, то для Гаспринского – тюркский, с которого и началось выстраивание его «триптиха». Существенно, однако, что он не противопоставил тюркский мир российскому государству. В его понимании (1881) именно пребывание «массы мусульман с богатейшими землями» в орбите России делает ее «естественной посредницей между Европой и Азией» [11, с. 25]. С другой стороны, он не смешивает тюркский мир с пространством Китая и Ирана (тюрки располагаются в естественном, «резко очерченном районе Азии» [11, с. 22–23]). Не случайно в 1885 г., когда под российскую власть перешли Мерв и Кушка, Гаспринский напомнил свое раннее предположение из трактата «Русское мусульманство» о естественности пребывания тюркских народов в составе российского государства и заметил, что теперь граница в Туркмении дошла до этнографически «правильной черты» [7, с. 287], то есть охватила тюркский регион Азии, Туркестан. Позиция Гаспринского, по сути, подкрепляла понимание пределов среднего мира Ламанским, в видении которого средний мир – это пространство к северу от горных систем Ирана, Афганистана, Китая [18, с. 4]. В частности, Гаспринский разделял мнение (1889), что границе империи следует продвинуться до афганского Гиндукуша, так как население обоих берегов Аму-Дарьи «слилось в общий тип» [12, с. 233].

Таким образом, естественные очертания российско-тюркского пространства Гаспринский видит в пределах между Китаем на вос-

токе, Ираном на юге и Европой на западе. Дуалистичная картина, где мир разделяется на Запад и Восток, Европу и Азию, не устраивает Гаспринского (как и Ламанского). Масштабность и историко-культурное своеобразие славяно-тюркского пространства таковы, что оно не вмещается однозначно ни в «Европу», ни в «Азию». Поэтому у Гаспринского нет попыток односторонне позиционировать тюркский (и шире – русско-тюркский) мир исключительно в азиатских или европейских рамках. На рубеже 1880–1890-х гг. (когда Ламанский обобщал концепцию «трех миров») он ясно видит, что этот срединный, взаимосвязанный мир занимает собственное место на континенте. Как тюрко-мусульманский мыслитель и российский государственный деятель, движимый «общерусским патриотизмом» и интересами «мусульманских сородичей» [6, с. 351], он с неизбежностью (и самостоятельно) приходит к пониманию реальности «третьего мира» в Старом Свете.

В 1889 г. Гаспринский, как он пишет, выказал «вторую часть нашей мысли», не доказанную в 1881 году. В близком будущем «богатая, великая Азия» станет объектом воздействия трех «культурно-политических сил» – «русской, английской, китайской», – замечает он. И как только они войдут в контакт, начнется «вторая глава новоазиатской истории» [12, с. 233]. В данной перспективе «немыслимо предполагать, что славянин, англосакс и монгол мирно уснут, соприкасаясь головами; немыслимо, чтобы православие, буддизм и протестантизм с крупной дозой английских меркантильных стремлений взаимно не отталкивались, а раз отталкиваются, то весьма естественно могут и сталкиваться» [12, с. 233–234]. Как видим, в 1889 г. в образе «трех сил» Гаспринским обозначены, по сути, три мира Старого Света: англосакский (западноевропейский), славяно-русский (средний) и монголо-китайский (восточноазиатский). До публикации трактата Ламанского оставалось три года. При этом Гаспринский держит в уме мусульманский фактор, так как «в будущих судьбах Азии мусульманство будет призвано играть весьма важную роль». Его уверенность основана на том, что при соперничестве «трех сил» большое значение будет иметь «симпатия, доверие и содействие» му-

сульман Азии, и «велик будет тот государственный муж, который привлечет их к той стороне, которую он представляет» [12, с. 234]. Зная совокупность убеждений Гаспринского, не остается сомнений – он желал, чтобы силой, которая привлечет мировое мусульманство, стал мир России.

В 1890-е гг. его представления продолжали развиваться. В трактате «Русско-восточное соглашение» (1896), ставшем существенным шагом тюркской мысли и написанном после работы Ламанского о «трех мирах», он вводит понятие «русско-мусульманский мир», рассматривая его глобально. «Бросив взгляд на карту восточного полушария, – пишет Гаспринский, – мы увидим, что мусульманские страны и Россия пограничны на громадных протяжениях и имеют общие моря: Каспийское и Черное». Этот «русско-мусульманский мир, позвольте мне так выразиться», раскинулся с севера на юг от Северного Ледовитого океана до Африки, а с запада на восток «от границ Балтики и Адриатики до китайской стены и морей Индо-Китая» [10, с. 52]. К Востоку от него, указывает Гаспринский, находится «монголоязычный мир» в 500–600 млн, а на Западе кипит «могучая жизнь» 250 млн европейцев. Следовательно, если в 1889 г. он трактовал глобальный баланс Старого Света через понятие «трех сил», то теперь, в 1896 г. – через понятие трех «миров» (как и Ламанский в 1892 г.). Такова эволюция концептуальной терминологии Гаспринского. Однако следует обратить внимание не только на терминологию. Существенно то, как он в региональном плане позиционировал «русско-мусульманский мир», в чем видел его особенности. Характеризуя русско-мусульманский мир, расположенный между европейским и монголо-китайским пространствами, Гаспринский по-своему отмечает свойство срединности – данный мир находится «в центральных частях полушария, на перекрестках всех дорог и сношений торговых, культурных, политических и боевых» [10, с. 52]. Тем самым Гаспринский подчеркнул именно периферийность русско-мусульманского мира – по отношению к собственно Европе или Азии (по сути, аналогично «срединности» Ламанского). Более того, понимание многоаспектной глобальной «центральности» («на перекрестках всех дорог и

сношений») открывало перед русско-мусульманским миром в канун XX в. существенные перспективы. Но для этого, как минимум, позиция Гаспринского должна была быть «услышана» в столице России.

Концептуальный взгляд, публично развернутый Гаспринским в 1896 г., свидетельствует, что он был в курсе не только международной обстановки, но и тенденций русской общественной мысли, включая воззрения Ламанского, и со своей стороны, как «русский мусульманин» и общественный деятель, углубил, дополнил глобальную картину мира. Гаспринский концептуально соединил российский (славянский в основе) компонент срединного пространства с тюрко-мусульманским компонентом – в сводное понятие «русско-мусульманского мира» – как пространства двух историко-культурных платформ. Так, в середине 1890-х гг. Гаспринский сформулировал собственное представление о «трех мирах» (европейском, русско-мусульманском, монголо-китайском), которое осмысливалось им с начала 1880-х гг. – одновременно с Ламанским.

Для более точной интерпретации взглядов Гаспринского немаловажное значение имеет восточная часть триптиха. В отличие от Ламанского он не считал, что история Китая в прошлом: «Блаженны верующие, – отмечал он в 1889 г., – но мы не верим», что Китай «политический нуль», а потому через 20–30 лет он станет «грозной военной силой» [12, с. 234]. И быстрый военный рост Японии показывает – «то же самое может повториться и с Китаем» [10, с. 53]. Весьма внимательно, даже с опасением, Гаспринский относится к перспективам Китайской империи, предполагая, что «эмиграция, а затем и политические виды» ее «обратятся на запад, угрожая русско-мусульманскому миру» [10, с. 52–53]. В статье «Россия, Китай и мусульмане» (1888) он воспринимает Китай как иной мир, на который надо обратить «бдительное внимание» и при том «вполне серьезно, без боязни, но и без сомнительных надежд» [9, с. 178]. Гаспринский полагал, что когда Китай «вкусит западного древа познания», обуздается «устроенной армией», железными дорогами, то станет «важным фактором международной силы и политики». И России, как

ближайшему соседу, «придется прежде всех считаться с этой новой силой и не забывать ее при тех или других политических комбинациях» [6, с. 351]. В региональной ситуации многое, – считал он, – будет зависеть от того, на чьей стороне окажутся симпатии мусульман, проживающих «по обе стороны» российско-китайской границы [9, с. 178]. Сам автор полагал желательным (как выше отмечалось), чтобы симпатии эти относились к России. То есть в 1880–1890-е гг. он позиционировал мусульманский мир Центральной Азии, не противопоставляя его России. В 1900-е гг. Гаспринский остался в целом на прежней позиции. В его понимании неудача в японско-русской войне «есть грозное предостережение русскому и мусульманскому миру» [3]. Предвидит он и экономическое продвижение Запада и Востока на срединное пространство славян и тюрков («ни Атлантический, ни Великий океан пахать нельзя») [3]. Следовательно, в 1900-е гг. Гаспринский как и прежде воспринимал восточноазиатский мир через призму безопасности и консолидированных интересов срединного мира.

В начале XX в., в изменившихся мировых условиях, он продолжает размышлять о перспективах срединного мира и отмечает (1903), – «наше время – время соединения огромных капиталов и великих народов», когда «общность становится историческим законом» [8]. Или в 1905 г.: «Мы видим и чувствуем ход истории человечества. Времена мелких экономических и политических единиц миновали. Могучий, кипучий Запад с его миллиардами и широкими знаниями; пробуждающийся языческий Восток с его неисчислимым населением могут сдавить нас как тиски, если мы не поторопимся как следует сплотиться, просветиться и развить во всю ширь нашу работоспособность и производительность» [1]. Утверждая, что времена «мелких единиц миновали», И. Гаспринский предвидит, по сути, одну из главных тенденций «хода истории» – тенденцию к региональной консолидации, в том числе на евразийском пространстве. Примечательно, что он акцентирует особенности русско-мусульманского мира, способствующие консолидации. К «мирному сожителству» тюрков и русских «свела в одно общая великая равнина – родина, простирающаяся от подножий

Алтая и Памира до болот Балтийского моря». Именно на этом срединном пространстве воля Провидения соединила «Московию и Татарию» [1].

В апреле 1908 г., в связи с обострением на Балканах и необходимостью налаживания российско-османских отношений, Гаспринский публикует обширную статью «Велико-Восточный вопрос», где дальше развивает взгляд на «три мира». Если оставить частности, – отмечает он, – можно увидеть, что «народы старого света образуют три главных группы», связанные расовыми, религиозными и экономическими интересами. «Первую группу составляет белая раса или европейцы. Вторую – желтая». И если на Западе говорят о «желтой опасности», то на Востоке – о «белой» [2]. Среди двух групп находится третья – мусульманский мир, – обозначаемая как «зеленая группа», которая начинает «естественно подумывать об “опасностях” и справа, и слева» – как политических, так и экономических [2]. Однако это не значит, что Гаспринский теперь идентифицирует срединный мир с мусульманством. Во второй части статьи, вновь констатируя, что «мусульманский мир стиснут с двух сторон белой и желтой расами», он задает принципиальный вопрос: «Не находится ли Россия в том же положении?» [3]. Для автора ответ с 1880-х гг. был ясен, но для русского образованного класса и в начале XX в. – не очевиден. Поэтому Гаспринский настойчиво повторяет ключевую мысль о центральном положении «русско-мусульманского мира» между европейским и восточноазиатским мирами [3]. Как видим, и в 1900-х гг., когда былая стабильность была поколеблена, а национальные вопросы обострились, он не отказался от концепта «русско-мусульманского мира». Что касается собственно мусульманского, «зеленого» мира, который все более пробуждался и сам по себе мог стать «третьим миром», то Гаспринский позиционировал его параллельно русско-мусульманскому миру. Он реалистично предвидел – конкуренция миров Старого Света (в том числе между русским и мусульманским обществами) станет вызовом для России, поэтому, будучи сторонником сотрудничества, обозначил проблему корректно, но заостренно: не придется ли России в новых условиях

«считаться со всеми тремя группами?» [3]. То есть не только с Европой и Азией (как полагал Ламанский), но и с поднимающимся и желающим обрести субъектность миром ислама. С позиции Гаспринского такой расклад был бы для России наиболее сложным.

Долгосрочная проблема в его понимании в том, что «концентрация сил белой и желтой рас» может вести мусульманские народы к необходимости «сделать выбор между той или другой стороной», и тогда их присоединение будет иметь «важное, если не решающее значение» [4]. При таком исходе срединный мир, как русско-мусульманское пространство, ожидало, по сути, переформатирование, а Россия могла лишиться позитивного соседства. Так, Гаспринский указал на возможность изменения баланса «трех миров», вероятного в случае противостояния мусульманства и России. Однако, оставаясь верным своим убеждениям, он в заключение высказал пожелание: «Было бы не дурно, если бы в этом грядущем русский и хоть ближайшие мусульманские народы стояли бы рядом, как ближайшие и добрые соседи» [4]. Через два года (1910) Гаспринский выскажет аналогичные мысли более прямо: необходимо стать «в искренние отношения к мусульманскому востоку, чтобы не иметь его против себя, чтобы не толкнуть его с сферу влияния возможных врагов России» [5]. В отношениях с миром ислама он желал не конфронтации, а «доброе соседства» и «искренних отношений».

Результаты. Рассмотрение воззрений Ламанского и Гаспринского позволяет сделать определенные выводы. Обосновав в концепции «трех миров» историко-культурное бытие среднего мира, как сложного евро-азиатского макро-региона (наряду с собственно Европой и собственно Азией), Ламанский конкретизировал дуалистичную, западно-восточную картину Старого Света, существенно приблизил ее к реальности. Главная особенность интерпретации среднего мира Ламанским в 1860–1890-х гг. – в акцентировании славянства и российского государства как его основы. При том он признает многообразие среднего мира, включающего спектр народов и культур. Не в последнюю очередь – тюркских. Само понятие «средний мир» (вместо прежнего – «греко-славянский») свидетельствует о реализме мыслителя.

Владимир Иванович Ламанский и Исмаил Гаспринский скончались в один год (1914), но Гаспринский, человек следующего поколения, смог осмыслить ситуацию и начала XX века. В 1880–1890-е гг. он также вышел за рамки бинарного миропонимания и параллельно Ламанскому аргументировал собственный взгляд на «три силы», «три мира» Старого Света, делая акцент на тюркский мир. Фактически он по-своему продолжил тенденцию на конкретизацию континентального пространства, начатую Ламанским. Также как в 1860-е гг. акцентирование греко-славянского мира стало шагом вперед, так и в 1880–1890-е гг. обозначение тюрко-мусульманского фактора способствовало более адекватному пониманию Старого Света. Оба мыслителя, каждый со своей стороны, способствовали усложнению, а не упрощению глобальной картины мира. Притом у обоих имелся общий аспект – признание консолидирующей роли российской государственности.

В результате новацией тюркского деятеля стал концепт «русско-мусульманского мира» (как реального славяно-тюркского пространства) – содержательного аналога «среднего мира» Ламанского. Констатирует Гаспринский и свойство срединности русско-мусульманского мира, указывая на его центральное положение в Восточном полушарии. Особенно важную для срединного пространства задачу он подчеркнул в начале XX в. – это необходимость макрорегиональной консолидации («времена мелких единиц миновали»). Данной перспективе способствовало то, что славян и тюрков сплотила «великая равнина – родина». Следовательно, оба мыслителя, указывая по-своему на срединность, центральность «третьего» (русско-мусульманского, греко-славянского) мира, обнаружили его качественную историко-культурную и международную особенность – евразийское положение. По сути, они, каждый со своей стороны, обосновали понимание соединенного славяно-тюркского пространства Старого Света.

Гаспринский сохранил видение русско-мусульманского мира и в усложнившихся обстоятельствах начала XX века. Но, в отличие от Ламанского, недооценивавшего перспективы мусульманского мира, как и вообще мира

азиатского, указал на растущий в условиях конкуренции «миров» мусульманский фактор. Понимая, что данная тенденция могла усложнить глобальное положение России, он настойчиво аргументировал региональное российско-мусульманское сближение и взаимодействие. Что касается западноевропейского и восточноазиатского миров, то позиционное восприятие Гаспринским данных миров в целом соответствует общей картине мира в концепции Ламанского. Однако в плане понимания восточноазиатского («монголо-китайского») мира также имеется немаловажное отличие. Если Ламанский рассматривал его как мир «прошедшего», то Гаспринский видел в нем силу, способную к росту, обновлению и несущую определенные вызовы срединному миру.

Взгляды Ламанского на средний мир (в контексте Азийско-Европейского континента) имели в конечном счете, объективно, несмотря на недооценку азиатского мира, не одностороннее славяно-русское, а консолидированное – евразийское содержание. Также не были односторонними взгляды Гаспринского, учитывавшего как тюркский, так и славянский факторы. Будучи убежденным в необходимости конструктивных взаимоотношений в русско-мусульманском мире, вплоть до союзнических, он отчетливо видел последствия тюрко-славянской конфликтности. Понимая связи исторических процессов, он не желал ни того, чтобы был раскол тюркский мир, ни того, чтобы Россия осталась в Восточном полушарии в одиночестве, противопоставленной не только Западу, но и мусульманскому миру. На протяжении 1880–1900-х гг. он без колебаний работал для укрепления русско-мусульманского / тюрко-славянского мира. Такое миропонимание имело (концептуально, качественно) проевразийский характер. То, что Гаспринский был тюркским деятелем – не должно ограждать рассмотрение его идей от раннеевразийской отечественной тенденции. Следует интенсивнее исследовать его наследие в общероссийском плане.

Два мыслителя концептуально смотрели на Старый Свет, на российский и сопредельный мир с двух сторон – со славянской и тюркской. Данное сочетание подходов не было конфликтным, а явилось своего рода интел-

лектуальным контрапунктом, в котором «звучали» параллельно разрабатываемые темы. Объективно две историко-культурные тенденции в понимании «трех миров» дополняли друг друга. Тем более, что оба мыслителя и субъективно не противопоставляли славяно- и тюркоориентированные подходы. Именно благодаря таким усилиям в отечественной общественной мысли формировалась более объемная и детальная картина славяно-тюркского исторического пространства.

Итак, сопоставительный анализ общего и особенного в концепциях «трех миров» Ламанского и Гаспринского показал, что евразийская / раннеевразийская интеллектуальная тенденция проявлялась в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. как в славянском контексте, так тюркском. Рассмотренные концепции, в совокупности составляющие объемную интерпретацию срединного мира, по содержанию, по ориентации на славяно-тюркское пространство являются центральными в раннеевразийском дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспринский, И. Важное время / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1905. – № 29. – С. 1.
2. Гаспринский, И. Велико-Восточный вопрос / И. Гаспринский // Терджиман. – 1908. – № 30. – С. 1.
3. Гаспринский, И. Велико-Восточный вопрос / И. Гаспринский // Терджиман. – 1908. – № 31. – С. 1.
4. Гаспринский, И. Велико-Восточный вопрос / И. Гаспринский // Терджиман. – 1908. – № 32. – С. 1.
5. Гаспринский, И. Для новых подписчиков / И. Гаспринский // Терджиман. – 1910. – № 1. – С. 1.
6. Гаспринский, И. Китай и Россия / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2019. – Т. 3. – С. 350–353.
7. Гаспринский, И. О русских мусульманах / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2017. – Т. 2. – С. 287–290.
8. Гаспринский, И. О чем говорит народ / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1903. – № 19. – С. 1.
9. Гаспринский, И. Россия, Китай и мусульмане / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2019. – Т. 3. – С. 177–179.
10. Гаспринский, И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания / И. Гаспринский // Из наследия. – Симферополь : Таврия, 1991. – С. 51–65.
11. Гаспринский, И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / И. Гаспринский // Из наследия. – Симферополь : Таврия, 1991. – С. 22–50.
12. Гаспринский, И. Член английского парламента Дж. Керзон <...> / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений. – Казань ; Симферополь : Ин-т истории АН РТ, 2019. – Т. 3. – С. 232–234.
13. Грот, К. Я. Владимир Иванович Ламанский (19 ноября 1914 г.) / К. Я. Грот. – Пг. : Тип. А.С. Суворина, 1915. – 25 с.
14. Евразийство: за и против, вчера и сегодня: материалы круглого стола // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 3–48.
15. Зайцев, И. В. Письма Исмаил-бея Гаспринского А.С. Суворину и П.П. Вяземскому / И. В. Зайцев // Крымское историческое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 175–179.
16. Князев, Г. М. Предисловие / Г. М. Князев // Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. – Пг. : Тип. А.С. Суворина, 1916. – С. III–XX.
17. Куприянов, В. А. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности / В. А. Куприянов, А. В. Малинов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. – 560 с.
18. Ламанский, В. И. Три мира Азийско-Европейского материка / В. И. Ламанский. – Пг. : Тип. А.С. Суворина, 1916. – 152 с.
19. Ламанский, В. И. Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе / В. И. Ламанский. – СПб. : Тип. Майкова, 1871. – 316 с.
20. Малинов, А. В. Евразийские аспекты цивилизационной концепции В.И. Ламанского / А. В. Малинов // Русская философия: исследования, история, историография. – СПб. : Изд-во СПбПУ, 2013. – С. 3–16.
21. Прокудин, Б. А. Историческое и геополитические идеи В.И. Ламанского / Б. А. Прокудин // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2013. – № 2. – С. 117–127.
22. Робинсон, М. А. В.И. Ламанский и его историческое сочинение «Три мира Азийско-Европейского материка» / М. А. Робинсон // Славянский альманах: 1996. – М. : Индрик, 1997. – С. 90–106.
23. Саприкина, О. В. Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность : дис. ... канд. ист. наук / Саприкина Ольга Вячеславовна. – М., 2004. – 292 с.

24. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф / В. П. Семенов-Тянь-Шанский // *Живая старина*. – 1915. – Вып. I–II. – С. 9–20.

25. Тихонова, Н. Е. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М.О. Меньшикова / Н. Е. Тихонова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. – 2018. – Т. 18, вып. 3. – С. 295–298.

26. Цымбурский, В. Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков / В. Л. Цымбурский. – М.: Кн. мир, 2016. – 496 с.

REFERENCES

1. Gasprinskii I. Vazhnoe vremia [Important Time]. *Perevodchik-Terdzhiman*, 1905, no. 29, p. 1.
2. Gasprinskii I. Veliko-Vostochnyi vopros [Great Eastern Question]. *Terdzhiman*, 1908, no. 30, p. 1.
3. Gasprinskii I. Veliko-Vostochnyi vopros [Great Eastern Question]. *Terdzhiman*, 1908, no. 31, p. 1.
4. Gasprinskii I. Veliko-Vostochnyi vopros [Great Eastern Question]. *Terdzhiman*, 1908, no. 32, p. 1.
5. Gasprinskii I. Dlia novykh podpischikov [For New Subscribers]. *Terdzhiman*, 1910, no. 1, p. 1.
6. Gasprinskii I. Kitai i Rossiia [China and Russia]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan, Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2019, vol. 3, pp. 350-353.
7. Gasprinskii I. O russkikh musulmanakh [About Russian Muslims]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan; Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2017, vol. 2, pp. 287-290.
8. Gasprinskii I. O chem govorit narod [What the People are Talking About]. *Perevodchik-Terdzhiman*, 1903, no. 19, p. 1.
9. Gasprinskii I. Rossiia, Kitai i musulmane [Russia, China and Muslims]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan; Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2019, vol. 3, pp. 177-179.
10. Gasprinskii I. Russko-vostochnoe soglashenie. Mysli, zametki i pozhelaniia [Russian-Eastern Agreement. Thoughts, Notes and Wishes]. *Iz naslediia* [From the Heritage]. Simferopol, Tavriia Publ., 1991, pp. 51-65.
11. Gasprinskii I. Russkoe musulmanstvo. Mysli, zametki i nabliudeniia musulmanina [Russian Islam. Thoughts, Notes and Observations of a Muslim]. *Iz naslediia* [From the Heritage]. Simferopol, Tavriia Publ., 1991, pp. 22-50.
12. Gasprinskii I. Chlen angliiskogo parlamenta Dzh. Kerzon <...> [Member of British Parliament J. Curzon <...>]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Works]. Kazan, Simferopol, In-t Istorii AN RT, 2019, vol. 3, pp. 232-234.
13. Grot K.Ia. *Vladimir Ivanovich Lamanskii (19 Noiabria 1914 g.)* [Vladimir Ivanovich Lamansky (November 19, 1914)]. Petrograd, Tip. A.S. Suvorina, 1915. 25 p.
14. Evraziistvo: za i protiv, vchera i segodnia: materialy kruglogo stola [Eurasianism: Pros and Cons, Eesterday and Today: Materials of the Round Table]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions], 1995, no. 6, pp. 3-48.
15. Zaitsev I.V. Pisma Ismail-beia Gasprinskogo A.S. Suvorinu i P.P. Viazemskomu [Ismail Gasprali's Letters to Alexey Suvorin and Pavel Vyazemsky]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2019, no. 1, pp. 175-179.
16. Kniazev G.M. Predislovie [Foreword]. Lamanskii V.I. *Tri mira Aziisko-Evropetskogo materika* [Three Worlds of the Asian-European Continent]. Petrograd, Tip. A.S. Suvorina, 1916, pp. III-XX.
17. Kupriianov V.A., Malinov A.V. *Akademik V.I. Lamanskii. Materialy k biografii i nauchnoi deiatelnosti* [Academician V.I. Lamansky. Materials for Biography and Scientific Activity]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2020. 560 p.
18. Lamanskii V.I. *Tri mira Aziisko-Evropetskogo materika* [Three Worlds of the Asian-European Continent]. Petrograd, Tip. A.S. Suvorina, 1916. 152 p.
19. Lamanskii V.I. *Ob istoricheskoi izuchenii Greko-Slavianskogo mira v Evrope* [On the Historical Study of the Greco-Slavic World in Europe]. Saint Petersburg, Tip. Maikova, 1871. 316 p.
20. Malinov A.V. Evraziiskie aspekty tsivilizatsionnoi kontseptsii V.I. Lamanskogo [Eurasian Aspects of the Civilizational Concept of V.I. Lamansky]. *Russkaia filosofii: issledovaniia, istoriia, istoriografiia* [Russian Philosophy: Research, History, Historiography]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbPU, 2013, pp. 3-16.
21. Prokudin B.A. Istoriosofskie i geopoliticheskie idei V.I. Lamanskogo [Historiosophical and Geopolitical Ideas of V.I. Lamansky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [The Moscow University Herald, Series 12, Political Sciences], 2013, no. 2, pp. 117-127.
22. Robinson M.A. V.I. Lamanskii i ego istoriosofskii traktat «Tri mira Aziisko-Evropetskogo materika» [V.I. Lamansky and his Historiosophical Treatise “Three Worlds of the Asian-European Continent”]. *Slavianskii almanakh: 1996* [Slavic Miscellany, 1996]. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 90-106.
23. Saprikina O.V., 2004. *Akademik V.I. Lamanskii (1833–1914): nauchnoe nasledie i obshchestvennaia*

deiatel'nost': dis. ... kand. ist. nauk [Academician V.I. Lamansky (1833–1914): Scientific Heritage and Social Activities. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 292 p.

24. Semenov-Tian-Shanskii V.P. Vladimir Ivanovich Lamanskii kak antropogeograf i politikogeograf [Vladimir Ivanovich Lamansky as an Anthropogeographer and Political Geographer]. *Zhivaia starina* [Living Antiquity], 1915, no. 1-2, pp. 9-20.

25. Tikhonova N.E. Idei rossiisko-turetskogo sbliuzheniia vo vzgliadakh i perepiske I. Gasprinskogo i M.O. Menshikova [The Ideas of Russian-Turkish

Rapprochement in the Views and Correspondence of I. Gasprinsky and M.O. Menshikov]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Istoriiia. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestiya of Saratov university. New series. Series: History. International Relations], 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 295-298.

26. Tsymburskii V.L. *Morfologiia rossiiskoi geopolitiki i dinamika mezhdunarodnykh sistem XVIII–XX vekov* [Morphology of Russian Geopolitics and Dynamics of International Systems of the 18th – 20th Centuries]. Moscow, Kn. mir Publ., 2016. 496 p.

Information About the Author

Sergey V. Seliverstov, Candidate of Sciences (History), Chief Researcher, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev St, 2, Z01A3D7 Astana, Republic of Kazakhstan, seliverst.sv@googlemail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>

Информация об авторе

Сергей Васильевич Селиверстов, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, Z01A3D7 г. Астана, Республика Казахстан, seliverst.sv@googlemail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3558-6238>